

Российско-американские стратегические отношения после грузинского кризиса |

Auteur: Владимир Орлов, [Женева](#) , 15.10.2008.

Медведев-Буш: продолжится ли диалог?

Приводим выдержки из ответов Президента расположенного в Женеве ПИР-Центра, главного редактора журнала Индекс Безопасности Владимира Орлова на вопросы американских экспертов и журналистов о судьбе стратегического диалога между Россией и США, замороженного в результате грузинского кризиса.

ВОПРОС: Грузинский кризис мгновенно привел к кризису двусторонних российско-американских отношений, это бесспорно. Но насколько глубок этот кризис? Или же все забудется через считанные месяцы или даже недели?

ОРЛОВ: Масштабная поддержка со стороны Соединенных Штатов режима Михаила Саакашвили, все поведение Вашингтона в разгар августовского конфликта, действительно, привели к глубокому кризису в отношениях между Россией и США. Глубина этого кризиса не имеет аналогов в период двух последних десятилетий и может сравниваться с кризисами двусторонних отношений времен холодной войны, в частности, с периодом ввода советских войск в Афганистан и последовавшими затем контрмерами США.

Последствия этого кризиса можно минимизировать. Но, в любом случае, мы будем

пожинать его горькие плоды не недели и не месяцы, но годы.

ВОПРОС: Стоит ли драматизировать нынешний двусторонний кризис в отношениях между Россией и США с точки зрения его влияния на всю архитектуру стратегического диалога, сложившегося между двумя нашими странами за последние десятилетия, прежде всего в области нераспространения ОМУ и контроля над ядерными вооружениями?

ОРЛОВ: Стратегического диалога больше нет. Грузинский кризис его перечеркнул. Есть, если хотите, стратегическое молчание. Или – если попытаться оперировать более оптимистическими терминами в этой весьма мрачной ситуации – стратегическая пауза. Но затянуться она может надолго. И лишь серьезная политическая воля с обеих сторон сможет сократить ее.

Сравнивать нынешнюю ситуацию с предыдущими обострениями отношений, в частности, с косовским, некорректно.

Во-первых, Россия образца 2008 года имеет очень мало общего с Россией десятилетней давности, когда разворачивалась югославская драма. Экономически окрепшее, идеологически опирающееся на возросший национализм государство не видит большой потребности в устойчивых альянсах и рассматривает себя как самодостаточного, априори влиятельного игрока на международной арене.

(...) В Вашингтоне не все поверят, но ведь реальность такова, что сегодня для многих творцов кремлевской внешней политики отношения с США вообще не находятся на первых местах, уступая в табели о рангах не только соседям России по СНГ и по европейскому пространству, но и Китаю. В этих условиях, конфронтация с США, вплоть до скатывания к новой холодной войне, уже не видится из кремлевских окон чем-то драматическим, недопустимым, какой-то психологической красной чертой, которую ни за что нельзя пересекать.

Во-вторых, потеряно доверие. Это – новая ситуация. Ведь еще совсем недавно, констатируя нарастающие разногласия, в Москве делали оговорку о том, что «с Белым домом у нас отношения доверительные, и диалог идет пусть трудный, зато честный».

Американцы в доверительном диалоге нас обманули, прямо заявил 13 августа министр иностранных дел С.В. Лавров. Речь шла, конечно, о Грузии и Южной Осетии, но эти слова – отражение общего настроения в Кремле: Вашингтону ни в чем нельзя доверять – ни по Грузии с Украиной, ни по ПРО с контролем над вооружениями.

При этом скажу прямо: речь идет не только нынешней администрации.

В-третьих, восприятие в Кремле Соединенных Штатов как трудного, но все же ключевого стратегического партнера в решении главных вопросов повестки дня международной безопасности: прежде всего международного терроризма и нераспространения ОМУ, – сменяется восприятием США как ключевого идеологического, геополитического противника России, который неотвратимо – прямо или завуалированно – будет препятствовать развитию и укреплению России.

(...) нынешний кризис российско-американских отношений оказался неизбежным. Если бы грузинской агрессии в отношении Южной Осетии не было, то нашелся бы другой повод: месяцем раньше или месяцем позже. И, в отличие от предыдущих обострений, нынешний кризис затронет, если еще не затронул, всю архитектуру двусторонних отношений, включая вопросы нераспространения ОМУ и судьбу ядерных арсеналов.

Потому что он – не о Грузии. И он – даже не об Украине (хотя он, конечно, об Украине куда в большей степени, чем о Грузии)... Он, этот кризис, – обо всей глобальной архитектуре безопасности.

ВОПРОС: Вы говорите, что нынешний кризис двусторонних российско-американских отношений стал неизбежностью. Значит, он не стал для Москвы неожиданностью?

ОРЛОВ: Конечно, не стал! Он стал неожиданностью только для тех либо тугоухих, либо слишком уж эгоцентричных американских политиков и экспертов, которые либо не слышали сигналов из Москвы, либо предпочитали фантазировать об Америке как дирижере всемирного оркестра. Но нет ни единого оркестра, ни единого концерта, ни единого дирижера!

(...)Имеющий уши не мог не услышать путинского выступления в феврале 2007 г. в Мюнхене. Ну, хорошо, давайте я еще раз процитирую, дословно: «Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. Ну, кому это понравится? Кому это понравится?

В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре.

И это, конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть: никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной».

Неужели было неясно?

Далее, возьмем мой журнал, Индекс Безопасности.

Полтора года назад, синхронно с мюнхенской речью В.В. Путина, у нас в журнале выходит статья начальника Генерального штаба вооруженных сил России Ю.Н. Балуюевского. И что же пишет начальник Генштаба? «На наш взгляд, наиболее реальные угрозы национальной безопасности Российской Федерации в военной сфере в ближайшей перспективе будет представлять курс военно-политического руководства США на сохранение мирового лидерства, расширение экономического, политического и военного присутствия в регионах традиционного влияния России» (далее он перечисляет другие угрозы).

То есть начальник Генштаба угрозой номер один для России называет курс руководства США! Я уже слышу голоса коллег, что, вот, начальник Генштаба сменился... Но давайте уйдем от этих игр в головоломную кремлинологию! Византийский способ приятия решений, характерный для России девяностых годов, сейчас ушел в прошлое и уж куда более характерен для администрации Буша, чем для тандема Путина-Медведева. Да, дискуссии о приоритетах внешнеполитического курса, об акцентах в области международной безопасности ведутся, и не всегда есть единое мнение. Но тут речь идет о мнении доминирующем, безотносительно персоналий.

Год назад в моем журнале была опубликована статья генерал-лейтенанта Г.М. Евстафьева, одного из опытейших специалистов в области нераспространения и контроля над вооружениями, в которой он, договор за договором, сюжет за сюжетом разбирал несовпадения позиций России и США по ключевым стратегическим вопросам, от ДОВСЕ до космоса. И делал вывод: «Международно-правовая база контроля над вооружениями - а формировалась она десятилетиями - стала устаревать. По многим параметрам она больше не соответствует требованиям современных условий».

Полгода назад мы публикуем интервью с министром иностранных дел С.В. Лавровым: «Нас беспокоит положение в сфере ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений, особенно на фоне перспективы прекращения в 2009 г. действия договорных ограничений на СНВ и в свете наращивания усилий США по развертыванию своей глобальной системы противоракетной обороны. Считаем, что в таких условиях стратегическая стабильность не может оставаться эксклюзивной областью российско-американских отношений. Сохраняющуюся здесь остаточную биполярность надо преодолевать, открывая ее для всех заинтересованных государств»...

Так что все слова были сказаны. Между тем, отношения плавно и почти неизбежно сползали к тому кризису, который мы имеем сегодня. Казалось, что обе стороны это видят, но, каждая по своим соображениям, не прикладывают усилий, чтобы логику приближения к кризису повернуть вспять. Делая домашние заготовки на случай резкого обострения отношений с США, Кремль заблаговременно, шаг за шагом, сокращал количество вопросов, которые могли бы от этого обострения, с точки зрения национальных интересов России, пострадать. Любопытно, что администрация в Вашингтоне также не стремилась придать двусторонним отношениям новые импульсы, подтверждением чему стали вялые встречи В.В. Путина и Джорджа Буша в Сочи в апреле, а затем Д.А. Медведева и Джорджа Буша в Японии в июле.

От редакции: К сожалению, мы не можем полностью воспроизвести текст интервью, но тому, кто интересуется этим вопросом, настоятельно рекомендуем ознакомиться с ним вот здесь.

Фото из альбома Актуально, серьезно

[Россия](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/politique/rossiysko-amerikanskije-strategicheskie-otnosheniya-posle-gruzinskogo-krizisa>